

Научная статья

УДК 82.0

DOI 10.17223/18137083/95/9

«Детективный» модус теоретико-литературного исследования

Андрей Евгеньевич Агрятин

Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия

Институт мировой литературы имени А. М. Горького
Российской академии наук
Москва, Россия

andrej-agratin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4993-7289>

Аннотация

Научное исследование нередко уподобляется расследованию (близость этих понятий отражена в лексикографии). Однако исследование не только тип познавательной активности, но и разновидность высказывания. В этой связи более целесообразно сопоставить научное исследование не с криминалистическими процедурами, а с детективным повествованием. В статье рассматривается статья французского нарратолога Ж. Женетта «Границы повествовательности» с опорой на инструментарий, используемый для изучения криминальной прозы. На первый взгляд «детективный» модус реализуется скорее в историко-литературном дискурсе, ориентированном на фактологию. Но в свете идеи о коммуникативной (а не методологической) природе «расследовательских» черт научной работы привлечение теоретико-литературных текстов даже более уместно, поскольку позволяет продемонстрировать «безразличие» «детективного» модуса к самому предмету речи.

Ключевые слова

наука, коммуникация, теоретико-литературное исследование, теория литературы, расследование, детективная проза, классический детектив, литература расследования

Для цитирования

Агрятин А. Е. «Детективный» модус теоретико-литературного исследования // Сибирский филологический журнал. 2026. № 2. С. 132–143. DOI 10.17223/18137083/95/9

© Агрятин А. Е., 2026

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2026. № 2. С. 132–143

Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2026, no. 2, pp. 132–143

“Detective” mode of theoretical-literary research

Andrey E. Agratin

Russian State University for the Humanities
Moscow, Russian Federation

Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Science
Moscow, Russian Federation

andrej-agratin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4993-7289>

Abstract

Scholarly research is frequently likened to an investigation, a parallel deeply rooted in lexicography. However, this paper posits that research in the humanities is not merely a cognitive activity but a specific mode of discourse. Given that the humanities rely on natural rather than formal language, the researcher must often navigate “non-scientific” communicative parameters, such as reader engagement. Consequently, the author argues that it is more productive to compare theoretical research not with criminological procedures, but with the narrative structure of a detective story. Gérard Genette’s seminal work, “The Boundaries of Narrative” (“Frontières du récit”), is analyzed using analytical tools typically reserved for criminal prose (drawing on the frameworks of N. D. Tamarchenko, N. N. Kirilenko, and O. V. Fedunina). Genette’s text reveals hallmark features of detective storytelling: the enigma–resolution dichotomy (problem formulation and solution), the verification of versions (review and critique of competing viewpoints), and the use of evidence (literary phenomena acting as “symptoms” of universal narrative properties). Furthermore, the study identifies the presence of the “Great Detective” figure, as the theorist implicitly asserts a sense of intellectual exceptionalism by debunking stereotypes to uncover the truth. While a “detective” mode might seem more naturally suited to historical-literary research (the search for empirical “clues”), this study demonstrates that it functions as an external rhetorical model. By applying this lens to a purely theoretical text, the author highlights the “indifference” of the detective mode to the specific subject matter, proving its status as a universal communicative strategy in scholarly discourse.

Keywords

science, communication, theoretical-literary study, literary theory, investigation, detective prose, classic detective, literature of investigation

For citation

Agratin A. E. “Detektivnyy” modus teoretiko-literaturnogo issledovaniya [“Detective” mode of theoretical-literary research]. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal* [Siberian Journal of Philology]. 2026, no. 2, pp. 132–143. (In Russian) DOI 10.17223/18137083/95/9

Исследование и расследование – близкие понятия. Сходство между ними отражено в лексикографии. Так, в Малом академическом словаре глагол «исследовать» получает следующие толкования: «1. Подвергнуть (подвергать) научному рассмотрению в целях познания, выяснения чего-л.; изучить (изучать) <...> 2. Тщательно осмотреть (осматривать) кого-, что-л., внимательно ознакомиться (знакомиться) с чем-л. для установления, выяснения чего-л.; обследовать» [Словарь русского языка, 1999, т. 1, с. 686]. Первичное значение глагола «расследовать» – «подвергнуть (подвергать) всестороннему рассмотрению, исследованию, изучению». И лишь вторичное – «произвести (производить) следствие» [Там же, т. 3, с. 664]. Хорошо видно, что понятие «исследование» употребляется скорее для описания научной деятельности, в то время как «расследование» – криминалистической. Однако за пределами профессиональных контекстов занимающие нас понятия, очевидно, обнаруживают большое число семантических пересечений.

ISSN 1813-7083

Сибирский филологический журнал. 2026. № 2
Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2026, no. 2

Соотношение исследования и расследования становилось объектом научной рефлексии. Отметим статью Е. В. Балацкого «Смена научно-поисковой парадигмы: расследование против исследования» [2008]. Автор пишет о методологической трансформации современных научных исследований, которые становятся похожи на расследования, причем эта тенденция трактуется как негативная: «Исследование (research) направлено на проникновение вглубь изучаемого процесса (явления) и формирование на этой основе нового и, как правило, относительно универсального знания. Расследование же (investigation) направлено на поверхностное осмысление фактов и генерирование выводов, имеющих значение лишь в контексте данного момента и данных обстоятельств. Образно говоря, исследование – это проникновение “вглубь” явления, а расследование – это “скольжение” по его поверхности» [Там же, с. 96–97]. По мнению Балацкого, наука вступила в стадию «затухания масштабных и глубинных исследований», что обернулось вниманием ученых к отдельным «кейсам», а не универсальным закономерностям, чрезмерной практикоориентированности и прагматичности.

На наш взгляд, автор статьи прав лишь отчасти. Действительно, нельзя не согласиться с некоторой прагматизацией науки, «выхолащиванием» научной методологии в различных областях знания. Однако научное исследование не только определенный тип познавательной деятельности, но еще и разновидность высказывания. Данный тезис особенно актуален для гуманитарных наук, использующих в основном не формальный, а естественный язык. Грамотную, продуманную словесную презентацию исследовательской работы принято расценивать как ее неотъемлемое достоинство. В этом плане для гуманитария фигура адресата оказывается ничуть не менее значимой, чем объект исследования, – ученому приходится учитывать такой «ненаучный» параметр коммуникации, как читательский *интерес*. Можно вспомнить весьма провокационное заявление известного петербургского чеховеда А. Д. Степанова, который в интервью 2013 г. журналу «Питерbook» высказался следующим образом: «<...> современное литературоведение давно перестало стремиться к научности, как было во времена структурализма, и превратилось в рассказывание интересных историй. Граница между филологией и собственно литературой практически стерта. В литературоведении не существует ничего подобного списку нерешенных проблем, который легко озвучит вам математик, физик или биолог»¹.

Принимая во внимание контекст процитированного выше комментария (Степанов не без иронии объясняет, почему многие литературоведы, такие как он сам, Е. Водолазкин, А. Аствацатуров, пробуют себя в сфере литературного творчества), зададимся вполне серьезным вопросом: а не является ли аналогия между исследованием и расследованием недостаточно точной? Может быть, правильнее было бы сравнить научное исследование (во всяком случае если мы говорим о гуманитаристике) с детективным повествованием? В свете этого допущения весьма примечательны слова Балацкого, столь критически оценивающего «расследовательский» характер науки XXI в.: «<...> *исследования содержат в себе колоссальный эстетический заряд* в отношении полученных результатов и их конечной формы. Элегантная теория, красивая формула, изящное преобразование и т. п. – все это эпитеты, характерные для выдающихся научных исследований.

¹ Андрей Степанов: «Граница между филологией и собственно литературой практически стерта». Интервью на сайте онлайн-журнала «Питерbook» // Лаборатория фантастики. URL: <https://fantlab.ru/blogarticle25992> (дата обращения 31.01.2025).

Скорее всего, никакое расследование не содержит в себе такого эстетического потенциала, как удачное исследование» [Балацкий, 2008, с. 101]². Развивая мысль автора, предположим, что в гуманитарных штудиях «эстетический заряд» обеспечивается не чем иным, как элементами детективной интриги. Косвенным аргументом в пользу правомерности выдвинутой гипотезы могут послужить наблюдения Ю. Тушиньской, отметившей повышенное внимание В. Шкловского, Р. Барта, У. Эко к детективному жанру, вопреки стереотипу о сосредоточенности серьезных ученых исключительно на «большой литературе» [Тушиньска, 2022, с. 58], – не отразилась ли их увлеченность криминальными сюжетами на самой исследовательской работе? По мнению Л. Ю. Фуксона, ученый-филолог подобен герою-сыщику. В их деятельности можно усмотреть одну и ту же предпосылку – «герменевтический оптимизм»: «Как утверждает Шерлок Холмс, настроившись на разгадку шифра преступника: “то, что изобретено одним человеком, может быть понято другим...” (“Пляшущие человечки”). Такова телеология детектива, и тем же руководствуется филолог», интерпретируя художественный текст [Фуксон, 2020, с. 112]. А. Компаньон утверждал, что поведение читателя укладывается в рамки «расследовательской» парадигмы (ссылаясь на историка К. Гинзбурга, он называет ее «охотничьей»). Однако реализация этой парадигмы – не просто познавательная процедура, а создаваемая на ее основе «модель повествования», а для филолога, «художественного знатока» – повествования о тексте [Компаньон, 2011, с. 155].

На первый взгляд «детективный» модус реализуется не в теоретико-литературных, а в историко-литературных исследованиях, что объясняется их тяготением к фактологии: поиск и обнаружение значимого эмпирического материала (еще до его обработки и систематизации) уже выступает своего рода расследованием, тогда как теоретик лишь отталкивается от эмпирики: в последнем случае литературоведческая «загадка» умозрительна, хоть и связана с практикой анализа художественного текста, а «разгадка» заключается в создании универсальных моделей и «схем», а отнюдь не раскрытии новых фактов. Как справедливо отмечается в одной из современных работ по криминалистике, «расследование преступлений не имеет цели достижения теоретических обобщений <...> Расследование всегда опирается только на фактические данные, которые отражают обстоятельства, образующие преступление» [Комаров, 2022, с. 21]. Тем не менее, если вернуться к упомянутой ранее идее о коммуникативной (а отнюдь не методологической) природе «расследовательских» черт научной работы, становится ясно, что мы должны говорить о некоей внешней по отношению к содержанию исследования риторической модели – и в таком случае привлечение теоретико-литературных текстов представляется даже более удачным, поскольку они позволят наглядно продемонстрировать «безразличие» «детективного» модуса к самому предмету речи.

Попробуем определить те приемы, которые роднят теоретико-литературное исследование с детективной прозой в целом (согласно терминологии, предложенной Н. Н. Кириленко, было бы корректней использовать словосочетание «литература расследования» [Кириленко, 2020, с. 185]) и классическим детективом в частности.

В первую очередь отметим парную схему «загадка (тайна) – разгадка» [Тамарченко, 2008, с. 55]. Они составляют два полюса, между которыми разворачивается

² Курсив наш. – А. А.

исследовательская интрига, и при этом носят довольно абстрактный характер. Лежащая в их основе вопросно-ответная структура оказывается достаточной, чтобы спровоцировать читательский интерес. В самом общем виде исследование по теории литературы строится как движение от концептуальной проблемы, затрагивающей не признаки конкретных явлений, а всеобщие закономерности (сущностные свойства литературного произведения, литературы как вида искусства), к логическим умозаключениям, которые последовательно закрывают «лакуны» в теоретических знаниях и подкрепляются практическими примерами, и, наконец, выводу – он, как правило, носит отвлеченный характер, подобно вопросу, послужившему отправной точкой для работы.

В качестве примера рассмотрим статью Ж. Женетта «Границы повествовательности». Вопрос имплицитно содержится уже в заглавии – далее он уточняется во вступлении: «Этот кажущийся наивным вопрос – *почему бывает повествование?* – мог бы как минимум побудить нас к поискам» [Женетт, 1998а, с. 283]³.

Ученый, подобно герою-сыщику, фиксирует не замечаемую никем странность в привычном порядке вещей: «Определяя повествование позитивным образом, мы признаем (что небезопасно) мысль или чувство, будто повествование само собой разумеется, будто нет ничего более естественного, чем рассказать историю» (с. 283). *Подозрительность* Женетта, безусловно, напоминает поведение следователя. В попытках определить сущность занимающего его феномена он противопоставляет одни универсалии другим, как будто сравнивая подозреваемых: основная задача, стоящая перед ученым, – «рассмотрение основных противопоставлений, посредством которых повествование определяется и конституируется по отношению к различным формам не-повествования» (с. 283). «Очерченный круг действующих лиц» [Кириленко, 2020, с. 145] (один из признаков классического детектива) отражен в подзаголовках: «Диегесис и мимесис» (с. 284), «Повествование и описание» (с. 288), «Повествование и дискурс» (с. 293).

Женетт занимается «проверкой (испытанием) различных версий» [Тамарченко, 2008, с. 55] (именно так строится детективный сюжет). Обращаясь к наследию античности, автор заключает: «<...> у истоков классической традиции обнаруживаются два явно противоречащих друг другу членения, когда в одном случае повествование противопоставляется подражанию как его антитеза, а в другом – как одна из его модальностей» (с. 284). Исследователь сопоставляет подходы Аристотеля и Платона, обнаруживая в них общее и различное, слабые моменты в рассуждениях мыслителей и в конечном счете опровергая, как бы «разоблачая» обоих, уподобляясь Шерлоку Холмсу или Эркюлю Пуаро, отбрасывающим ложные версии и открывающим в финальном монологе, возможно, шокирующую правду своим слушателям: «Итак, мы приходим к неожиданному выводу: постольку, поскольку литература есть изображение, у нее имеется всего лишь одна модальность – повествование, служащее эквивалентом невербальных, а также (как показывает искусственный пример Платона) и вербальных событий <...> Изображение в литературе – античный мимесис – это, стало быть, не повествование плюс “речи” персонажей; это повествование, и только одно повествование» (с. 288). Проведем аналогию с узнаваемым сюжетным поворотом: до какого-то момента публика уверена, что убийства совершены разными людьми, но благодаря проницательности сыщика выясняется, что виновник всех несчастий – один человек.

³ Далее работа цитируется по этому изданию с указанием страниц в круглых скобках.

От эффектного открытия Женетт изящно переходит к новому аспекту проблемы (аудитория, внимающая сыщику, только успела успокоиться, как ее снова охватывает эмоциональное напряжение, обусловленное неполнотой разгадки): «Однако, будучи понято таким образом, литературное изображение хоть и совпадает с повествованием в широком смысле слова, но не сводится к одним лишь чисто повествовательным (в узком смысле) элементам повествования <...> Действительно, в любом повествовании содержатся <...> с одной стороны, изображения действий и событий, образующие собственно нарратив, а с другой стороны, изображения вещей и персонажей, представляющие собой результат того, что ныне именуется описанием» (с. 288–289). Вновь осуществив детальную ревизию расхожего представления, ученый демонстрирует его мнимость (и снова главным подозреваемым оказывается нарратив): «Итак, мы видим, что как род литературного изображения описание не настолько четко отличается от повествования <...> в понятии повествования можно без особой беды объединять все формы литературного изображения, описание же рассматривать не как один из его родов (что означало бы какую-то языковую специфику), а более скромно, как один из его аспектов, – пусть даже с известной точки зрения и самый привлекательный из всех» (с. 292).

В последней части работы автор развенчивает еще одну оппозицию, вспоминая таких поэтов древности, как Архилох, Сафо и Пиндар: «<...> их творчество не есть подражание, посредством повествования или сценического представления, какому-либо реальному или мнимому действию, внешнему по отношению к личности и словам поэта, но просто прямой дискурс поэта, говорящего от своего собственного имени <...> здесь нет никакого изображения, никакого вымысла, а просто речь, которая непосредственно оформляется в дискурсе произведения. То же самое можно сказать <...> обо всем том, что мы ныне очень широко обозначаем как лирическую поэзию, а в области прозы – обо всех разновидностях красноречия, морально-философской рефлексии, научного или околонучного сообщения, об эссеистике, переписке, дневниках и т. д.» (с. 293). Если повествование отсылает к событиям, то дискурс – к самому говорящему / пишущему. Затем, теперь уже предсказуемо, Женетт стирает обозначенное разграничение: «<...> определенные таким образом сущности повествования и дискурса почти никогда, ни в одном тексте не встречаются в чистом виде; в дискурсе почти всегда есть некоторая доля повествовательности, в повествовании – известная доза дискурсивности» (с. 296). Однако догадливость читателя тут же опровергается: впервые, вопреки привычной тактике, ученый, пусть и с оговорками, не отказывает в истинности описанному противопоставлению, используя, правда, более осторожный термин – «асимметрия» (как известно, в расследовании преступления нюансы играют принципиальную роль) и утверждая, что «включенное в дискурс повествование превращается в элемент повествования, а включенный в повествование дискурс остается дискурсом и образует нечто вроде кисты, которую легко распознать и вычленивать. / Причина такой асимметрии вообще-то очень проста <...> дискурсу и не приходится хранить никакой чистоты, так как это “естественный” род языка, самый широкий и общераспространенный, по определению приемлющий в себя любые формы; повествование же, напротив того, является особым, маркированным родом, который определяется рядом запретов и ограничительных условий (отказ от настоящего времени, от первого лица и т. д.) <...> Дискурс может “повествовать”, не переставая быть дискурсом, повествование же не может “дискуривировать”, не выходя за собственные рамки» (с. 297). Финал статьи открывает путь

для продолжения – очередная «загадка» уже маячит на горизонте: «Литература словно исчерпала или же превзошла возможности изобразительного рода и стремится к уходу в бесконечное говорение своего собственного дискурса. Возможно, скоро роман вслед за поэзией окончательно преодолет эпоху изобразительности. Возможно, повествование, в том его негативном своеобразии, которое мы за ним признали, уже является для нас, как искусство для Гегеля, *явлением прошлого*, так что нам надо поторопиться изучить его <...>» (с. 299). Окончательный вывод Женетта выглядит парадоксальным и неожиданным, напоминая детективный пуант [Кириленко, 2020, с. 144, 160]. Некоторая неуверенность ученого в финале статьи подталкивает нас к разграничению терминов «загадка» и «тайна» как инструментов описания детективной интриги⁴: первая предусматривает обязательную загадку, в то время как вторая принципиально не раскрываема – ученый ставит новую проблему, показывая всегдашнюю незавершенность («таинственность») научного познания. Здесь напрашивается параллель с так называемой «*энигматической интригой откровения*», организация которой состоит в «перипетийном чередовании сегментов наррации, приближающих и удаляющих момент проникновения в тайну» [Тюпа, 2013, с. 86]. Вероятно, детективная (авантюрная) интрига литературоведческого исследования дополняется энигматической – конечная загадка соседствует с неисчерпаемостью тайны, катализирующей постоянное возвращение ученого к одним и тем же вопросам.

Весьма примечательно, что упоминаемые в «Границах повествовательности» художественные тексты сами по себе загадкой не являются. Напротив, их доскональная изученность подразумевается автором. Неслучайно В. И. Тюпа подчеркивает: «<...> для теоретика предметом познания служат только несомненные и вневременные литературные “шедевры”, принадлежащие “большому времени” <...> Это классические образцы литературной культуры, без каждого из которых национальная или даже мировая литература недостаточно полна, ущербна» [Тюпа, 2024, с. 9–10]. Действительно, Женетт черпает примеры из творчества Гомера, Алкея, Эмпедокла, Сервантеса, Филдинга, Жюль Верна, Бальзака. В каком-то смысле произведение служит исследователю «уликой», свидетельствующей о «событиях» (в данном случае – универсальных закономерностях), которые за ними скрываются. Добавим, что иллюстративным материалом в теоретико-литературных исследованиях выступают необязательно шедевры, но любые тексты, которые не обращают на себя первостепенного внимания, т. е. хорошо знакомые (а ведь уликами в детективной прозе как раз становятся совершенно обычные предметы, которые один лишь сыщик находит примечательными: элементы интерьера, следы на земле, окурок, приоткрытая дверь, оставленная на столе записка и т. п.). Так, Р. Барт во «Введении в структурный анализ повествовательных текстов» цитирует «Голдфингер» – знаменитый шпионский роман Яна Флеминга о Джеймсе Бонде [Барт, 1987, с. 400]. Даже строгая сосредоточенность теоретика на каком-то одном тексте не превращает «улику» в предмет расследования. В другой работе – «Повествовательный дискурс» – Женетт занят разбором «В поисках утраченного времени» М. Пруста, однако в предисловии отмечает: «<...> мы нередко будем отклоняться от основной темы – прустовского повествования – в сторону более общих соображений; как принято говорить ныне, критика

⁴ Поводом для нижеследующих рассуждений также стало замечание О. В. Федунинной, прозвучавшее на международном круглом столе «Творческая рецепция криминальной литературы. Памяти Сергея Петровича Лавлинского» (Москва, РГГУ, 6 декабря 2024 г.).

будет уступать место “теории литературы” – и, говоря точнее в применении к нашему предмету, теории повествования» [Женетт, 1998б, с. 61].

Детективный «налет» можно усмотреть и в образе исследователя, который предлагает разобранный нами статья (если, конечно, слово «образ» применимо к научному тексту). Не напрямую, но косвенно, вольно или невольно, ученый постулирует собственную неординарность: ведь именно он, отсеивая лишнее, опровергая сложившиеся стереотипы, приближается к истине – все остальные (пусть даже среди них великие предшественники) как бы лишены своего кругозора и оцениваются исключительно со стороны. Такого рода ситуация напоминает о неустрашимой из классического детектива фигуре «Великого Сыщика» [Кириленко, 2020, с. 132]. В то же время возникают ассоциации с другим криминальным жанром – «расследованием жертвы», как его именует О. В. Федунина: «<...> выходов за пределы кругозора “следователя-жертвы” обычно не происходит. Все соображения других персонажей, их гипотезы, оценки становятся известны читателю лишь постольку, поскольку уже входят в кругозор главного героя как основного субъекта видения и, возможно, речи. Это позволяет читателю соотносить себя с героем, а автору – стараться держать читателя в напряжении вплоть до того момента, когда герой узнает истину» [Федунина, 2023, с. 21]. Обе аналогии, конечно, весьма условны и несколько не подталкивают упрекнуть Женетта в излишнем самомнении или параноидальном страхе перед объектом изучения (разве что манифестируемая ученым «небезопасность» автоматизма в понимании феномена повествовательности на мгновение заставляет нас присмотреться к подобной интерпретации).

Нельзя сказать, что описанный образ исследователя характерен только для теоретико-литературных сочинений. То же самое относится и к таким очевидным приметам детективной прозы, как рациональность [Кириленко, 2020, с. 159], отсутствие лишних «эпизодов» [Там же, с. 139] (в научном исследовании – каких-либо избыточных в смысловом плане фрагментов).

А вот игровое начало [Там же, с. 40] как будто в большей степени свойственно теоретическим работам, возможно, ввиду их относительной свободы от исторического и биографического контекстов, настраивающих автора на определенную серьезность. У Женетта игра проявляется не столь ярко. Но, скажем, в книге У. Эко «Роль читателя» нередко встречаются полукомические вкрапления, усиливающие увлекательность (авантюристичность) рассуждений ученого и ту «веселую» необязательность, которую привносит в них известная независимость абстрактных построений от эмпирического материала. Обсуждая нарративные аномалии на примере новеллы Альфонса Алле «Вполне парижская драма», ученый сопровождает подчеркнута интеллектуальные наблюдения стилистически инородным пассажем: «<...> сам текст постулирует такой тип скорого на догадки читателя как один из своих структурообразующих элементов. Иначе зачем в шестой главе говорится, что Тамплиер и Пирого “оба... вскрикнули от изумления”, когда обнаружили, что они – не Рауль и не Маргарита? На самом деле единственный, кто должен был бы вскрикнуть от изумления, – так это эмпирический читатель, который построил ложные гипотезы и питал ожидания, не подтвержденные текстом...» [Эко, 2005, с. 350–351]. Показательна оценка книги рецензентами. Ирина Стаф отмечает: «Книга Эко как бы постоянно подмигивает своему читателю. Семиотика итальянского ученого лукава: выстроенные им схемы требуют выхода за пределы структурно-семиотического анализа текста» [Стаф, 2007]. В связи с работой Эко, где коротенькая новелла в семь-восемь страниц становится пове-

дом для создания сложнейших умозрительных конструкций, в том числе с использованием языка формальной логики [Эко, 2005, с. 364], вспоминается еще один признак детективной прозы – «впечатление сложности и запутанности расследуемого события» [Тамарченко, 2008, с. 55], именно впечатление, поскольку разгадка обычно проще, чем казалось изначально.

Подводя итоги, отметим, что теоретико-литературное исследование имеет два фундаментальных отличия от детективной прозы: во-первых, отсутствие преступления⁵, во-вторых, анарративность. Импульсом для литературоведческой работы становится не нарушение закона, а лакуны в теоретических знаниях. Их невозможно локализовать в пространстве и времени (как убийство), соотнести с кругом персонажей и событий в буквальном значении этих терминов – всякий раз мы прибегаем к метафоризации, не позволяющей полностью свести исследование к детективному сюжету. Несмотря на это, не стоит забывать весьма точное наблюдение Ю. М. Лотмана: «Детектив представляет собой задачу, которая притворяется искусством» [Лотман, 2000, с. 106–107]. Не значит ли это, что «детективный» модус нестрого коррелирует с нарративной организацией текста и что детективная история и научное рассуждение, несмотря на принципиальные различия между повествовательным и аргументативным дискурсами, восходят к одному и тому же перформативу⁶ – например, перформативу загадки? Не объясняется ли этим идентичность их воздействия на адресата, заинтригованного вопросом, ответ на который ожидает его в финале? Выдвинутое предположение могло бы стать началом нового «расследования», призванного дополнить полученные нами результаты.

Список литературы

- Балацкий Е. В.* Смена научно-поисковой парадигмы: расследования против исследований // Наука. Инновации. Образование. 2008. Т. 3, вып. 1. С. 96–106.
- Барт Р.* Введение в структурный анализ повествовательных текстов // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. Трактаты, статьи, эссе. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. С. 387–422.
- Вольский Н. Н.* Легкое чтение: работы по теории и истории детективного жанра: Монография. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2006. 278 с.
- Женетт Ж.* Границы повествовательности // Женетт Ж. Фигуры: В 2 т. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998а. Т. 1. С. 283–299.
- Женетт Ж.* Повествовательный дискурс // Женетт Ж. Фигуры: В 2 т. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998б. Т. 2. С. 60–281.
- Кириленко Н. Н.* Классический детектив как жанр криминальной литературы: инвариант и генезис. Москва; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2020. 245 с.
- Комаров И. М.* Метод научного познания и методы практической деятельности по расследованию преступлений (Часть I) // Юристы-Правоведы. 2022. № 2 (101). С. 20–23.
- Компаньон А.* Демон теории. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2001. 336 с.

⁵ Хотя некоторые авторы, например Н. Н. Вольский [2006, с. 12] и П. А. Моисеев [2017, с. 11–12], считают, что наличие преступления необязательно для детектива.

⁶ Перформатив, вслед за Дж. Остином, понимается здесь как высказывание, эквивалентное действию (клятвы, обещания, приказания, угрозы и пр.) [Остин, 2006].

- Лотман Ю. М. Логика взрыва // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000. С. 101–108.
- Моисеев П. А. Поэтика детектива. М.: ИД ВШЭ, 2017. 240 с.
- Остин Дж. Перформативные высказывания // Остин Дж. Три способа пролить чернила: Философские работы. СПб.: Алетейя; Изд-во СПбГУ, 2006. С. 262–281.
- Словарь русского языка: В 4 т. М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. Т. 1: А–Й. 701 с.; Т. 3: П–Р. 750 с.
- Стаф И. Читатель внутри текста, или Лукавая семиотика (Умберто Эко. Роль читателя: Исследования по семиотике текста) // Отечественные записки. 2007. № 5. URL: <https://strana-oz.ru/2007/5/chitatel-vnutri-teksta-ili-lukavaya-semiotika-umberto-ekol-chitateluya-issledovaniya-po-semiotike-teksta> (дата обращения 31.01.2025).
- Тамарченко Н. Д. Детективная проза // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. М.: Изд-во Кулагиной; Intrada, 2008. С. 55–56.
- Тушиньска Ю. Детектив и теория интерпретации // Проблемы поэтики, генезиса и эволюции криминальной литературы: Сб. науч. ст. М.: Изд-во Ипполитова, 2022. С. 57–66.
- Тюпа В. И. Нарративная интрига «Доктора Живаго» // Новый филологический вестник. 2013. № 2 (25). С. 72–91.
- Тюпа В. И. Теория литературы: Учебник. М.: РГГУ, 2024. 254 с.
- Федунина О. В. Криминальный bestiary: зверь – текст – жанр: Монография. Тула: Аквариус, 2023. 148 с.
- Фуксон Л. Ю. Уроки детектива // Рок-педагогика: теория и практика: к 60-летию С. П. Лавлинского: сборник ненаучных сочинений. М.: Эдитус, 2020. С. 108–114.
- Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. СПб.: Симпозиум, 2005. 502 с.

References

- Austin J. Performativnye vyskazyvaniya [Performative utterances]. In Austin J. *Tri sposoba prolit' chernila: Filosofskie raboty* [Three ways to spill ink: philosophical works]. St. Petersburg, Aleteiya, SPbSU Publ., 2006, pp. 262–281.
- Balatskiy E. V. Smena nauchno-poiskovoy paradigmy: rassledovaniya protiv issledovaniy [Changing the scientific research paradigm: investigations vs. research]. *Nauka. Innovatsii. Obrazovanie*. 2008, vol. 3, iss. 1, pp. 96–106.
- Barthes R. Vvedenie v strukturnyy analiz povestvovatel'nykh tekstov [Introduction to the structural analysis of narrative texts]. In *Zarubezhnaya estetika i teoriya literatury 19–20 vv. Traktaty, stat'i, esse* [Foreign aesthetics and theory of literature of the 19th–20th centuries: treatises, articles, essays]. Moscow, MSU Publ., pp. 387–422.
- Compagnon A. *Demon teorii* [The demon of theory]. Moscow, Izd. im. Sabashnikovoykh, 2001, 336 p.
- Eco U. *Rol' chitatelya. Issledovaniya po semiotike teksta* [The role of the reader: explorations in the semiotics of texts]. St. Petersburg, Simpozium, 2005, 502 p.
- Fedunina O. V. *Kriminal'nyy bestiariy: zver' – tekst – zhanr: monografiya* [Criminal bestiary: beast – text – genre: a monograph]. Tula, Akvarius, 2023, 148 p.
- Fukson L. Yu. Uroki detektiva [Lessons from detective fiction]. In *Rok-pedagogika: teoriya i praktika: k 60-letiyu S. P. Lavlinskogo: sbornik nenauchnykh sochineniy* [Rock pedagogy: theory and practice: on the 60th anniversary of S. P. Lavlinsky: A collection of non-scientific works]. Moscow, Editus, 2020, pp. 108–114.

Genette G. Granitsy povestvovatel'nosti [The boundaries of narrative] In Genette G. *Figury: V 2 t.* [Figures: In 2 vols.]. Moscow, Izd. im. Sabashnikovykh, 1998a, vol. 1, pp. 283–299.

Genette G. Povestvovatel'nyy diskurs [Narrative discourse]. In Genette G. *Figury: V 2 t.* [Figures: In 2 vols.]. Moscow, Izd. im. Sabashnikovykh, 1998b, vol. 2, pp. 60–281.

Kirilenko N. N. *Klassicheskiy detektiv kak zhanr kriminal'noy literatury: invariant i genesis* [The classical detective story as a genre of criminal fiction: invariant and genesis]. Moscow, Ekaterinburg, Kabinetnyy uchenyy, 2020, 245 p.

Komarov I. M. Metod nauchnogo poznaniya i metody prakticheskoy deyatelnosti po rassledovaniyu prestupleniy (Chast' I) [The method of scientific cognition and methods of practical activity in crime investigation (Part I)]. *Yurist-Pravoved.* 2022, no. 2 (101), pp. 20–23.

Lotman Yu. M. Logika vzryva [The logic of explosion]. In Lotman Yu. M. *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Petersburg, Iskustvo-SPb, 2000, pp. 101–108.

Moiseev P. A. *Poetika detektiva* [The poetics of detective fiction]. Moscow, HSE Publishing House, 2017, 240 p.

Slovar' russkogo yazyka: V 4 t. [Dictionary of the Russian language: In 4 vols.]. Moscow, Russkiy Yazyk, Poligrafresursy, 1999b, vol. 3: P–R, 750 p.; 1999a, vol. 1: A–Ya, 701 p.

Staf I. Chitatel' vnutri teksta, ili Lukavaya semiotika (Umberto Eko. Rol' chitatelya: Issledovaniya po semiotike teksta) [The reader within the text, or the devious semiotics (Umberto Eco. The role of the reader: studies in the semiotics of text)]. *Otechestvennye zapiski.* 2007, no. 5. URL: <https://strana-oz.ru/2007/5/chitatel-vnutri-teksta-ili-lukavaya-semiotika-umberto-eko-rol-chitatelya-issledovaniya-po-semiotike-teksta> (accessed 31.01.2025).

Tamarchenko N. D. Detektivnaya proza [Detective prose]. In *Poetika: slovar' aktual'nykh terminov i ponyatiy* [Poetics: a dictionary of current terms and concepts]. Moscow, Izd. Kulaginoy, Intrada, 2008, pp. 55–56.

Tushin'ska Yu. Detektiv i teoriya interpretatsii [Detective fiction and the theory of interpretation]. In *Problemy poetiki, genezisa i evolyutsii kriminal'noy literatury: Sb. nauch. st.* [Problems of poetics, genesis, and evolution of crime literature: A coll. of sci. arts.]. Moscow, Izd. Ippolitova, 2022, pp. 57–66.

Tyupa V. I. Narrativnaya intriga “Doktora Zhivago” [The narrative intrigue of “Doctor Zhivago”]. *The New Philological Bulletin.* 2013, no. 2 (25), pp. 72–91.

Tyupa V. I. *Teoriya literatury: Uchebnik* [Theory of literature: A textbook]. Moscow, RSUH, 2024, 254 p.

Vol'skiy N. N. *Legkoe chtenie: raboty po teorii i istorii detektivnogo zhanra: monografiya* [Light reading: works on the theory and history of the detective genre: a monograph]. Novosibirsk, NSPU, 2006, 278 p.

Информация об авторе

Андрей Евгеньевич Агратин, кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретической и исторической поэтики Российского государственного гуманитарного университета; старший научный сотрудник Отдела русской литературы

туры конца XIX – начала XX века Института мировой литературы имени
А. М. Горького Российской академии наук (Москва, Россия)
Scopus Author ID 57221312928
WoS Researcher ID W-4506-2019

Information about the author

Andrey E. Agratin, Candidate of Philology, Associate Professor, Department of Theoretical and Historical Poetics, Russian State University for the Humanities; Senior Researcher, Department of Russian Literature of the 19th – early 20th century, Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Science (Moscow, Russian Federation)
Scopus Author ID 57221312928
WoS Researcher ID W-4506-2019

*Статья поступила в редакцию 20.02.2025;
одобрена после рецензирования 11.04.2025; принята к публикации 11.04.2025
The article was submitted on 20.02.2025;
approved after reviewing on 11.04.2025; accepted for publication on 11.04.2025*